

ТАМБОВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ

ВЪДОМОСТИ.

1 ФЕВРАЛЯ

№ 3.

1868 ГОДА.

Выходятъ два раза въ мѣсяць: 1 и 15 числа, съ Іюля 1861 года Цѣна за годовое изданіе 4 р. 25 к. сереб. съ пересылкою.

Подписка принимается въ Редакціи Вѣдомостей при Тамбовской Духовной Семинаріи и у всѣхъ Благочинныхъ Тамбовской Епархіи.

I.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ.

УКАЗЪ СВЯТѢЙШАГО ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СѢНОДА.

Отъ 28 декабря 1867 года. *Касательно методы преподаванія уроковъ въ духовныхъ семинаріяхъ и училищахъ.*

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложенный Господиномъ Оберъ-Прокуроромъ, отъ 16 минувшаго ноября за № 101, журналъ Учебнаго при Святѣйшемъ Синодѣ Комитета (№ 28), касательно методы преподаванія и усвоенія уроковъ въ духовныхъ Семинаріяхъ и училищахъ. Приказали: Учебный Комитетъ, какъ изъяснено въ настоящемъ журналѣ его, обсуждая мѣры къ улучшенію способовъ научнаго образованія воспитанниковъ духовно-учебныхъ заведеній, не могъ не обратить вниманія своего на то обстоятельство, что до сихъ поръ еще не только въ низшихъ духовныхъ училищахъ, но даже и въ Семинаріяхъ, упорно удерживается буквальное заучиваніе воспитанниками уроковъ на память. Требовательность, въ этомъ отношеніи, наставниковъ нерѣдко доводима бываетъ до такой крайности, что малѣйшее

отступление отъ текста учебной книги, допущенное ученикомъ при его отвѣтахъ, принимается за доказательство лѣни, небрежности и подвергается строгому порицанію. Придерживающіеся подобной методы обыкновенно обращаютъ болѣе вниманія на бойкость передачи ученикомъ по печатному или писанному, нежели на пониманіе имъ выученнаго. Они оправдываютъ себя тѣмъ, что буквальное заучиваніе уроковъ по книгѣ укрѣпляетъ память ученика и обогащаетъ его полезными свѣдѣніями и образцовыми примѣрами. Не отрицая необходимости значительнаго участія памяти въ изученіи нѣкоторыхъ предметовъ, какъ на примѣръ — точныхъ опредѣленій догматовъ вѣры, классическихъ мѣстъ Священнаго писанія, научныхъ формулъ, примѣровъ и образцовъ языка и т. п., Комитетъ находитъ, однакожь, что и въ этихъ случаяхъ есть мѣсто сознательному и отчетливому усвоенію преподаваемаго. Что же касается до другихъ отраслей знаній, то въ приобрѣтеніи оныхъ воспитанниками необходимо преимущественное участіе разсудка. Признавая механическое затверживаніе уроковъ стѣсняющимъ самостоятельность умственныхъ силъ учащихъ и вредящимъ развитію ихъ дарованій, Учебный Комитетъ, на основаніи § 133 устава Семинарій и § 86 устава духовныхъ училищъ, полагаетъ съ своей стороны необходимымъ обратить на этотъ предметъ заботливое вниманіе мѣстныхъ учебныхъ Начальствъ и поставить имъ въ непремѣнную обязанность, чтобы какъ въ Семинаріяхъ, такъ и въ Училищахъ наставники ясно и отчетливо изъясняли ученикамъ преподаваемыя ими науки, чтобы при требованіи отъ учениковъ отчетовъ въ классѣ обращали преимущественное вниманіе на пониманіе ими того, о чемъ они говорятъ, вызывая ихъ разнообразными вопросами къ свободному изложенію выученнаго, и чтобы при оцѣнкѣ успѣха учениковъ принимались въ соображеніе свѣдѣнія, добытыя или не столько памятью, сколько

во умственной ихъ дѣятельностию. Святѣйшій Синодъ, вполне соглашаясь съ мнѣніемъ Комитета о вредѣ механическаго затверживанія уроковъ и о необходимости возможно большей самостоятельности умственныхъ силъ учащагося юношества, признаетъ, въ слѣдствіе сего, необходимымъ предписать епархіальнымъ Преосвященнымъ, циркулярно, указами: а) чтобы поставили Начальствамъ подвѣдомственныхъ имъ Семинарій и училищъ въ непремѣнную обязанность наблюдать, со всею строгостию, за неуклоннымъ исполненіемъ въ сихъ заведеніяхъ тѣхъ требованій, касательно методы преподаванія и усвоенія уроковъ, которыя предписаны въ уст. Семинар. § 133 и уст. Учил. § 86 и изъясняются въ настоящемъ журналѣ Учебнаго Комитета, и б) чтобы независимо отъ сего, они, Преосвященные, обратили и съ своей стороны самое заботливое вниманіе на этотъ предметъ и приняли дѣятельнѣйшія мѣры къ неотложному устраненію тѣхъ, по сей части, недостатковъ, на которые указываетъ Учебный Комитетъ.

Отношеніе Канцеляріи Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода 23 Декабря 1867 г. за № 6877.

По Министерству Народнаго Просвѣщенія, правилами, одобренными Высочайше утвержденнымъ 26 Мая 1867 г. Положеніемъ Комитета Г.г. Министровъ, между прочимъ, постановлено, чтобы свѣдѣнія о всѣхъ ученикахъ исключенныхъ или удаленныхъ изъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній за предосудительное поведеніе или напавленіе, независимо отъ сообщенія ихъ мѣстному гражданскому начальству, съ изложеніемъ причинъ исключенія или удаленія, были въ то же время представляемы учебными заведеніями, по начальству, въ центральныя управления своего вѣдомства, и за тѣмъ отъ сихъ послѣднихъ

передаваемы были въ подвѣдомственные имъ мѣста и центральныя управления другихъ вѣдомствъ.

Подобнаго правила по духовному вѣдомству не существуетъ, а между тѣмъ бывають случаи, что исключенные за предосудительное поведеніе, а иногда и направленіе, изъ одной Семинаріи поступають въ другую, или же въ какое либо гражданское учебное заведеніе, принося съ собою въ принявшія ихъ заведенія то самое, за что исключены были изъ прежнихъ мѣстъ воспитанія.

Въ устроеніе сего, Святѣйшій Синодъ, признавая сколько полезнымъ, столько же и необходимымъ вышеприведенное Высочайше утвержденное постановленіе по Министерству Народнаго Просвѣщенія примѣнить и къ духовно-учебнымъ заведеніямъ, постановилъ: свѣдѣнія объ исключенныхъ изъ сихъ заведеній, за предосудительное поведеніе или направленіе ученикахъ, съ объясненіемъ причинъ исключенія, сообщать немедленно Оберъ - Прокурору Святѣйшаго Синода, для постановленія о таковыхъ ученикахъ въ извѣстность какъ всѣхъ духовно-учебныхъ заведеній, такъ равно и центральныхъ Управленій другихъ вѣдомствъ, имѣющихъ учебныя заведенія.

Редакторъ: Протоіерей Іоаннъ Москвинъ.

Съ дозволенія цензуры. 31 Января 1867 года.

Тамбовъ. Въ Типографіи А. А. Студенецкаго, на Дворянской улицѣ.

ПРИБАВЛЕНІЕ

КЪ

ТАМБОВСКИМЪ ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ

ВЪДОМОСТЯМЪ.

1 ФЕВРАЛЯ

№ 3.

1868 ГОДА.

ДУША И АНГЕЛЬ — НЕ ТѢЛО, А ДУХЪ.

3. ПИСЬМО СТАРЦА, ГДѢ РАЗБИРАЮТСЯ УМСТВЕННЫЯ СООБРАЖЕНІЯ БРОШЮРЪ. (*)

(Окончаніе)

Чтобъ не подумали, что это я самъ такъ разсуждаю о постепенности въ лѣтвицѣ жизненной, и потому не сочли сего слова за ничто, привожу ученіе св. Григорія Нисскаго о семъ предметѣ. «Едва не забыли мы того порядка въ твореніи, по которому предшествуетъ прозябеніе растеній изъ земли, и за симъ послѣдуютъ безсловесныя животныя, и потомъ по устроеніи ихъ—человѣкъ..... Мнѣ кажется, что Моисей излагаетъ въ этомъ нѣкое сокровенное ученіе, и тайнственно сообщаетъ любомудріе о душѣ, о которомъ мечтала и внѣшняя ученость, но не уразумѣвала его въ ясности. Ибо Слово учитъ насъ, что въ трехъ различіяхъ усматривается жизненная и душевная сила. Есть нѣкая сила растительная только и питательная;

(*) См. № 2 Тамб. Епар. Вѣд.

пріемля годное къ приращенію питаемаго, называется она естественною, и усматривается въ растеніяхъ, потому что и въ произрастающемъ можно примѣчать нѣкую жизненную силу, лишенную чувствъ. Но кромѣ сего, есть другой видъ жизни, которому принадлежитъ и первый, и къ нему присоединена способность управлять собою по чувству; такова жизнь въ естествѣ безсловесныхъ: они не питаются только и растутъ, но имѣютъ чувственную дѣятельность и чувственное пониманіе. Совершенная же жизнь въ тѣлѣ усматривается въ естествѣ словесномъ, разумѣю естество человѣческое, питаемое, чувствующее, имѣющее даръ слова и управляемое разумомъ..... Посему Законодатель (то есть Мойсей) говоритъ, что послѣ неодушевленнаго вещества, какъ бы въ нѣкое основаніе существъ одушевленныхъ, прежде всего образована эта естественная жизнь, осуществившаяся въ прозябеніи растеній, потомъ вводитъ въ бытіе тварей, управляемыхъ чувствомъ.... Последнимъ послѣ растеній и животныхъ устроень чело-вѣкъ. Всякаго вида души срастворены въ этомъ словесномъ животномъ — чело-вѣкѣ..... Онъ питается, съ растительною же (питательною) силою соединена чувствительная. .. Потомъ съ тѣмъ, что есть тонкаго и свѣтоснаго въ естествѣ чувствующемъ, совершается нѣкое освоеніе и сраствореніе умопредставляемой сущности, чтобы чело-вѣкъ составленъ былъ изъ сихъ трехъ естествъ.

«Такъ подобное сему дознали мы отъ Апостола, когда говорилъ онъ Солунянамъ, желая имъ, да сохранится всесовершенная благодать и тѣла и души и духа въ пришествіе Господа (1 Сол. 5, 23), и питательную часть называя тѣломъ, чувствующее

означая словомъ: душа, а умопредставляемое словомъ: *духъ*..... Отсюда Апостоль знаетъ три различныя произволенія, и именуетъ *плотскимъ* то, которое занимается чревомъ и его услажденіями; *душевнымъ*, которое, въ срединѣ между добродѣтелию и порокомъ, возвышается надъ порокомъ, но не вполне причастно добродѣтели, и *духовнымъ*, которое имѣетъ въ виду совершенство житія по Богу» (Ч. 1. стр. 97 — 100. Тоже есть въ 4 ч. стр. 239 — 40).

Таково полное изображеніе силъ, дѣйствующихъ въ тваряхъ!..... Подобное же ученіе можно видѣть въ 166 пунктѣ увѣщанія Антонія вел., что помѣщено въ *Добротолубіи* и у Исаака Сиріанина — въ статьяхъ о трехъ степеняхъ разума. Нарочно привожу все это и указываю, чтобъ сказать, что мой взглядъ на лѣствицу жизни есть не одного моего скуднаго ума взглядъ!

Это я мимоходомъ помянулъ о лѣствицѣ силъ, за тѣмъ только, чтобъ рельефнѣе видна была неправость брошюры, столкнувшей душу нашу въ разрядъ химическихъ элементовъ. Если уже не хочешь признать души тѣмъ, что она есть, молчи по крайней мѣрѣ; молчи потому, что «современная наука ничего объ этомъ не понимаетъ». «Жизнь тѣла, говоритъ сама брошюра, недоступна для постиженія нашего» (на той же стр.). И это еще органическая жизнь — растительная; тѣмъ больше недоступна жизнь животнаго, имѣющая, сверхъ первой, еще чувство и движеніе произвольное и смысленность; и еще несравненно болѣе недоступна жизнь человѣка, у коего душа или духъ, способный къ Боговѣдѣнію, къ Богоощущенію, къ совершенно свободной дѣятельности, не зави-

еящей ни отъ чего внѣшняго, къ составленію об-
обозрѣній всего сушаго, къ стремленіямъ, отъ все-
го отрѣшающимъ сознание и сердце. Если все э-
то невѣдомо; то законъ велитъ не составлять ни-
какихъ положеній о невѣдомомъ, ни объ органи-
ческой жизни, ни о животной, ни тѣмъ паче о жи-
зни человѣческой. И вотъ, однакожь, составляется
положеніе, и составляется именемъ науки, — что
наша душа вещественна, — и именно есть въ насъ
въ качествѣ химическаго элемента, отдѣленіе ко-
торого полагаетъ начало, или даже совершаетъ
разложеніе нашего тѣла.

Послѣднее указаніе опыта, — что исходомъ
души полагается начало разложенія тѣла, послу-
жило, какъ видится, поводомъ къ такому поло-
женію. Ибо брошюра, какъ значится въ нашей
выпискѣ, умествуетъ такъ: разложеніе вещества,
то есть, какого либо химически сложеннаго тѣла,
по законамъ химіи, не иначе можетъ совершиться,
какъ отдѣленіемъ отъ него одной или многихъ
составныхъ частей его. Такъ какъ душа, отдѣ-
ляясь отъ нашего тѣла, совершаетъ разложеніе
его; то, очевидно, она есть составная часть тѣла.
И какъ, далѣе, тѣло наше вещественно; то и всѣ
составныя части его вещественны; слѣд. и душа
вещественна, какъ соотвѣтственная часть его. И
вотъ знаменитое указаніе науки на вещественность
души, по умествованію брошюръ! Отдѣленіе чего
либо невещественнаго, отвлеченнаго, не произвело
бы на вещество (тѣло) никакого вліянія.

Аминь, — кончено. Какъ гвоздьми, плотно при-
бита вещественность души, этою цѣпью силлогиз-
мовъ. Не вывернется! Страшная вещь — эти сил-
логизмы!

Но вотъ является возраженіе, что — де душа вѣдь невидима. Стоитъ обращать вниманіе на эту мелочь. Что изъ того? Невидимъ и теплородъ, но отдѣляется онъ химически отъ воды, и вода обращается въ другое вещество, въ ледъ. Существованіе чего либо вещественнаго, не имѣющаго дѣйствія на наши чувства, или имѣющаго дѣйствіе, котораго не понимаемъ и не замѣчаемъ, не только непротивно ея (химіи) ученію, но явствуетъ изъ ея ученія» (стр. 45 въ конц.).

Такимъ образомъ совсѣмъ управилась брошюра съ этою духовностію духовъ. Теперь не пикни. Съ помощію современной — то науки какъ — то выходитъ удобнѣе, а изъ писанія и св. Отцевъ не такъ ясно выходитъ. Но тогда химіи чай совсѣмъ не было, а если и была, что за химія?! Нынѣ она, — такъ уже такъ!.. Такъ и забираетъ радость, что наше (брошюръ) ученіе о духахъ, яко тѣлахъ, нисколько непротивно химіи и математикѣ; но совпадаетъ и согласуется съ положительною теоріею этихъ наукъ (стр. 46—начало).

Такъ какъ же тутъ быть — то?! Химіи не знаешь, математикѣ на мѣдный грошъ учился. Стало, на основаніи ихъ говорить что нибудь въ свою пользу страшно. Брошюра пишетъ: «сводитъ чловѣковъ въ обманъ именемъ науки — недобросовѣстно» (стр. 45 — съ нач.). Вѣдь это про насъ написано, которые признаемъ духовъ — духами чистыми, невещественными, не справясь съ химіею и математикою. Стать поперечить, больше и больше будешь погрязать въ недобросовѣстности. Со всѣхъ сторонъ бѣда! И уступить не хочется.

Попробую себя смахнуть на современность. Провозглашаю, что химія и математика не ком-

петентные судьи въ духовныхъ предметахъ. Компетентный и не компетентный — вѣдь это современное слово: авось вывезетъ. Но ужъ — вырвалось. Вывози! Такъ говорю: судьи некомпетентные, эти науки въ нашемъ дѣлѣ. Впрочемъ математика тутъ подстала ни къ селу, ни къ городу. Главное у насъ дѣло съ химіею. Такъ химія не компетентно судить о духовномъ. По старымъ законамъ такъ надо сказать; отвожу этого свидѣтеля и доказывателя: онъ состоитъ въ родствѣ, кумовствѣ и хлѣбосольствѣ съ моимъ противникомъ. Да. Химія вѣдь ничего не знаетъ, кромѣ вещественнаго. Какая ей стать поперечить вамъ, когда вы говорите, что духъ—тѣло? Ну пусть тѣло, скажетъ она. Что такое тѣло, — я понимаю. Хоть и не понимаю, что такое духъ, и почему онъ тѣло; но коли онъ—тѣло, пусть: тѣло понимаю.» Больше этого химія не можетъ сказать. Что дѣйствительно духъ — тѣло, это вы извольте доказать другимъ образомъ, и когда докажете, представьте его покровительству химіи. И вотъ тогда уже, какъ химія возьметъ его въ свое завѣдываніе, тогда скажите только: химія, — и все преклонить главу. — Но пока все это не сдѣлано, напрасно ссылаетесь на химію.

Но бѣда съ этими мудреными науками! Чай, я промахнулся, сказавши, что химія судья не компетентный въ нашемъ дѣлѣ; между тѣмъ приходится взять ее въ защиту свою, избрать ее своимъ адвокатомъ противъ брошюръ. Впрочемъ, ничего. Тутъ она будетъ судить не о духовности душъ и духовъ; а о томъ, что брошюры, желая имѣть ее на своей сторонѣ, наговорили на нее много такого, что совсѣмъ чуждо ей. То есть, она прямо себя только будетъ защищать, и сама за себя сто-

ять; нашу же руку потянетъ уже стороною.

Воображаю себѣ, что вотъ выступаетъ химія и такую простираетъ рѣчь къ брошюрамъ: вы, брошюры, превознесли меня до небесъ; говорите, что и я вмѣстѣ съ другими естественными науками достигла, въ новѣйшее время, высочайшаго развитія, многія услуги оказала..... доказала положительно то и то, отвергаю младенческое, и проч.. Между тѣмъ приписываете мнѣ то, чего я знать не знаю и вѣдать не вѣдаю. Думаете вашими похвалами зажать мнѣ ротъ. Нѣтъ. За похвалы благодарствую. Но согласіемъ съ вами и позволеніемъ вамъ именемъ моимъ вводить челоуѣковъ въ обманъ, не хочу пятнать моей совѣсти, и протестую противъ вашихъ утвержденій.

1, Откуда вы взяли, будто я потворствую распространенію мнѣній о существованіи такихъ веществъ, которыя не имѣютъ дѣйствія на наши чувства, или если имѣютъ дѣйствіе, то такое, котораго замѣтить нельзя. Это совершенная ложь! Что лежитъ за предѣлами нашихъ чувствъ и чего дѣйствія не замѣчаемъ, этого ни я, ни всѣ мои сестры (естественныя науки) знать не знаемъ и знать не хотимъ. Касаться того, не наше дѣло. Наше дѣло замѣчать, что поддается замѣчанію, подводитъ подъразныя чувства, дѣлать опыты, сличать, обобщать, дѣлать наведенія, и проч. Но все эго въ области замѣчаемой если не всѣми, то хоть однимъ чувствомъ. Что до моего дѣла то у меня кислородъ, водородъ, азотъ — самыя тонкія, тоньше ихъ нѣтъ у меня, не имѣютъ ни цвѣта, ни запаха, ни вкуса, но все же они не суть не замѣчаемы. Я ихъ добываю, закупориваю въ банки, взвѣшиваю, соединяю, опредѣляю пав, въ какихъ они съ ка-

кимъ веществомъ соединяются, и проч. Они въ моихъ рукахъ, подъ непрестанными моими замѣтками; я слѣжу за ихъ дѣйствіями всюду и тѣмъ опредѣляю ихъ. Вообще (*) же предметъ мой — явленія, производимыя силою сродства. Слагала я и разлагала, и нашла 62 основныхъ элемента. Вотъ мои дѣтища, и моя область. А въ числѣ ихъ смотрите-ка какія есть: сѣра, фосфоръ, мышьякъ, желѣзо, кобальтъ, цинкъ, мѣдь, свинецъ, ртуть, олово, серебро, золото, платина и проч. (**) Какова тонкота, невидимость, и неосязаемость. Вотъ мои духи! А какихъ вы тамъ придумываете, пожалуйста мнѣ ихъ не навязывайте. Объ нихъ я, ни да, ни нѣтъ.

Подслушавши эту рѣчь, могу только прибавить отъ себя, что существованіе духовъ въ томъ видѣ, какъ проповѣдуетъ брошюра, не противно химіи, вѣрно потому только, что сей послѣдней до нихъ дѣла нѣтъ. Будь они, не будь, ей все равно.

2) (Химія продолжаетъ). Вы, брошюры, сказали, будто теплородъ по моему (химически) отдѣляется отъ воды, и вода обращается чрезъ то въ другое вещество—въ ледъ. Въ своемъ вы умѣ, или нѣтъ?! Теплородъ ни соединяется, ни отдѣляется по моему (химически). Онъ—великій мой сотрудникъ, (***) такъ что безъ него мнѣ шагу сдѣлать нельзя. Но къ моей области онъ не принадлежитъ, и я никакъ не могу опредѣлить, сколько паевъ его входить бы должно въ то или другое

(*) Химическія понятія и термины взяты изъ Физики Писаревского ч. 1.

(**) Физика Писар. ч. 1. стр. 540.

(***) Стр. 550.

соединеніе. Не дается. Стало, за чѣмъ же его навязывать мнѣ, или ему навязывать мои приемы? А это что такое: ледъ — другое вещество, а не вода, замерзшая только? Кто когда такъ говорилъ? По вашему и опилки будутъ не желѣзо. Лучше бы вы меня не хвалили. Отпускаю такія сентенціи, вы даете поводъ думать, что и похвала ваша мнѣ — такая же очевидная ложь.

3) Судя по этимъ двумъ такъ очевиднымъ ошибкамъ, всякой и безъ меня пойметъ, что вѣрно и главный вашъ силлогизмъ тоже криво стоитъ. Вы смѣшали, и смѣшали совершенно незаконно, разложеніе тѣлъ въ неорганической природѣ, гдѣ мои процессы полные господа, съ разложеніемъ тѣлъ органическихъ, гдѣ они состоятъ въ услугахъ у другой наибольшей госпожи, которую зовутъ жизненнымъ началомъ. Эта госпожа сама есть прехитрый химикъ. Органическое тѣло у ней — лабораторія. Беретъ она мои же элементы, весьма немногіе впрочемъ, и изъ нихъ ухитряется устроить всѣ разнообразныя части, напр. тѣла человеческого. Какъ оно это дѣлаетъ, уму моему не постижимо. Пока въ тѣлѣ эта госпожа, она держитъ всѣ свои издѣлія въ организмѣ въ своемъ видѣ и составѣ и не даетъ имъ разлагаться. Когда же она выйдетъ изъ тѣла, тогда части организма, (*) лишася производящей ихъ и поддерживающей жизнедѣятельности, подчиняются вышнему вліянію воздуха, теплоты и влаги, и начинаютъ разлагаться на составляющіе ихъ элементы. Отдѣленіемъ жизненнаго начала не совершается разложеніе; ибо сіе начало не есть составная часть организма, а есть производящая его и поддержива-

(*) У Лисар. стр. 594.

ющая сама. Но исходъ его тѣло все бываетъ цѣло въ своемъ составѣ; но какъ оно оставляется самому себѣ, остается безъ охраны и поддержки; то и начинаетъ разлагаться. Разложеніе тутъ только и начинается. Исходъ же жизненнаго начала не есть разложеніе, а только дарованіе свободы и простора разлагающимъ процессамъ. Вотъ тутъ начинаютъ выдѣляться составныя части и совершаться чрезъ то разложеніе. Вотъ тутъ собственно вступаютъ въ силу мои законы, о коихъ вы говорите; въ исходъ жизненнаго начала они неучаствуютъ. То — невѣдомая для меня область. Въ неорганической природѣ другое дѣло. Здѣсь не предшествуетъ разложенію исходъ какого либо высшаго начала, а прямо самый актъ отдѣленія какого либо элемента есть разложеніе, за которымъ тѣло тотчасъ пропадаетъ. Нагрѣвайте смѣсь сѣры и ртути, (*) выйдеть киноварь, тѣло химически составленное. Положите въ киноварь желѣзо и нагрѣвайте, — сѣра соединится съ желѣзомъ, а ртуть отдѣлится, и киноварь не станетъ. Это въ самый актъ отдѣленія составныхъ частей. А тамъ не такъ.... Жизненное начало отойдетъ, а тѣло остается цѣло, какъ было.

Химія кончила свою апологію. Прибавлю и съ своей стороны одно-другое слово. Такъ какъ же вы, брошюры, насъ браните, что мы недобросовѣстно, именемъ науки, вводимъ въ обманъ, говоря, что душа—духъ, а сами на десяти строкахъ напутали столько ошибочныхъ положеній?! И это за тѣмъ, чтобъ именемъ науки ввести простыхъ въ заблужденіе, будто душа вещественна!—Добросовѣстно это?!!

(*) Писар. стр. 539—40.

Предложу вамъ еще одинъ вопросъ отъ своей простоты: если исходомъ души изъ тѣла разложеніе тѣла совершается, совершается, то есть, тлѣніе; то какъ есть у насъ нетлѣнныя мощи?! Если въ нихъ тлѣніе уже совершилось, скажите, чего ради славятся они, яко нетлѣнныя?! По вашему нечего сказать. А по нашему такъ бываетъ: душа праведная отходитъ ко Господу; тѣлу же оставшемуся, но еще такому, въ которомъ не совершилось разложеніе—тлѣніе, слѣдовало бы по закону естества разлагаться и тлѣть; но дѣйствіе сіе природы силою Божіею приостанавливается, и тѣло остается нетлѣннымъ.

Предложу вамъ еще одно! По вашимъ словамъ въ приведенномъ мѣстѣ выходитъ, что вы полагаете, будто всякое отдѣленіе чего либо отъ другаго есть химическое разложеніе. Исходя изъ такого понятія, вы и отдѣленіе тепла назвали химическимъ. Но если всякое отдѣленіе есть химическое; то и всякое соединеніе тоже есть химическое. Ни то, ни другое не вѣрно. Химія уже говорила, что тепло входитъ въ тѣло и выходитъ изъ него безъ всякаго химическаго при семъ процесса. Тоже можно сказать и объ электричествѣ, что онъ является въ тѣлѣ и исчезаетъ; химическаго же при семъ ничего не бываетъ. Если въ осязаемыхъ веществахъ сіе бываетъ; не тѣмъ ли паче законно предположить сіе въ душѣ, которая есть самое, по вашему, тонкое вещество? Такъ слѣдовало бы вамъ по вашимъ же мыслямъ заключить. Нѣтъ, вамъ хочется бѣдную душу какъ можно глубже заковать въ вещество, срастворить съ этими грубыми элементами тѣла — химически, и химически освободить его. Непонятно, какъ

вяжется эта мысль въ вашей головѣ! Въдѣ состоящіе въ химическомъ соединеніи элементы каждый теряетъ свои природныя свойства, и изъ соединенія ихъ слагается совсѣмъ новое тѣло, непохожее ни на тотъ, ни на другой элементъ. Если душа химически соединена съ тѣломъ; то она тутъ не душа, а становится душою только по выходѣ изъ тѣла. Какъ же мы зовемъ ее душою? Если же она душа здѣсь въ химическомъ соединеніи съ организмомъ; то по освобожденіи изъ него уже не душа, а другое что либо. И вамъ слѣдовало озаботиться дознаніемъ ея собственнаго имени по выводѣ изъ тѣла?

Приложу и еще одно! Вамъ кажется, что душа становится отвлеченіемъ какимъ-то, когда признають ее духовною. Нѣтъ, признавая ее духовною, мы никакъ не думаемъ, что она есть какая либо идея, а есть дѣйствительная сила, реально существующая. Отдѣленіе ея отъ тѣла производитъ вліяніе на организмъ потому, что она оживляетъ тѣло. Отходить душа, жизни уже нѣтъ. Чтобъ отдѣленіемъ своимъ произвести ей такое дѣйствіе на организмъ, нѣтъ, слѣдовательно, никакой нужды быть ей вещественною, и тѣмъ менеѣ быть въ химическомъ сродствѣ и союзѣ съ организмомъ.

Не помирите ли вы съ нами, если мы выставимъ вамъ о душѣ и ея отношеніи къ тѣлу ученіе св. Григорія Нисскаго?

Вотъ что говоритъ онъ о душѣ: «Душа есть сотворенная сущность, сущность живая, разумная, органическому и чувствительному тѣлу сообщающая собою жизненную и воспріемлющую чувственную силу, до тѣхъ поръ, пока способное къ пріятію

еего естество оказывается состоятельнымъ» (ч. 4. стр. 214).

Это онъ говоритъ о душѣ, пока она въ тѣлѣ. Что происходитъ, когда она выходитъ изъ тѣла?

«Когда..... эта жизненная причина, которая находилась нѣкогда въ тѣлѣ, вдругъ дѣлается невидимою и непримѣтною, подобно тому, какъ въ погашенномъ свѣтильникѣ горѣвшій доголѣ пламень (там. стр. 203); тогда по расторженіи сродства стихій въ тѣлѣ, въ каждой изъ нихъ происходитъ стремленіе къ состоящему съ нею въ свойствѣ, такъ какъ самое естество стихій по какому-то необходимому влеченію возвращаетъ однородному свойственное ему...» (там. стр. 206.).

Если таково слѣдствіе отдѣленія души отъ тѣла, то не есть ли потому она сама стихія тѣлесная?

Нѣтъ, душа «существуетъ сама по себѣ, особымъ естествомъ, отличнымъ отъ тѣлесной слабости» (стр. 212). Она невещественна, безплотна, дѣйствуетъ и движется сообразно съ своею природою, и свойственныя ей дѣйствія обнаруживаетъ тѣлесными органами. *Органическое устройство тѣла въ полной мѣртвѣ тоже и въ умершихъ; но остается неподвижнымъ и дѣятельнымъ, по отсутствію въ немъ душевной силы»* (стр. 212—23).

Желалось бы знать какъ же она существуетъ въ тѣлѣ?

«Умъ (душа, духъ) у насъ не заключается въ какихъ либо частяхъ, а равно есть во всѣхъ и повсѣмъ, и не объемля ихъ отвнѣ, и не содержась внутри ихъ. Общеніе же ума съ тѣлеснымъ составомъ состоитъ въ какомъ-то невыразимомъ и непримыслимомъ соприкосновеніи; оно и не внут-

ри происходить, потому что безтѣлесное не удерживается тѣломъ; и не объемлетъ отвнѣ, потому что безтѣлесное не окружаетъ собою чего либо. Напротивъ того, чуднымъ и недомыслимымъ какимъ-то способомъ умъ, приближаясь къ естеству и соприкасаясь съ нимъ, примѣчается и въ немъ и около него, но не въ немъ возсѣдая и не объемля его собою, а такъ, что сего сказать, или представить умомъ невозможно» (ч. 1. стр. 135).

Выписываю все это въ надеждѣ, что и брошюры не станутъ этому поперечить; но ужъ конечно, въ полной увѣренности, что всѣ любители отеческихъ ученій никакъ не согласятся оставаться на сторонѣ брошюръ, пока онѣ будутъ упорствовать въ своемъ предубѣжденіи.

Но позвольте и еще одно слово! Вы заключаете откровенное признаніе своего побратимства съ химією и математикою слѣдующимъ замѣчаніемъ (стр. 46): «Эти науки, отдѣливъ Бога отъ тварей безконечною разницею, какъ бы отворяютъ дверь вѣрѣ, объясняя необходимость откровеннаго Богопознанія. Отвергнуть его онѣ не могутъ, по причинѣ признаннаго ими всемогущества Божія и независимости дѣйствій Его отъ сужденія человѣческаго». Химія и математика отодвинули идею о Богѣ подальше, чтобъ совсѣмъ обойтись безъ Бога. Помышленіе о Богѣ они забросили за себя назадъ. Химія не знаетъ ничего кромѣ вещества; математика тоже въ приложеніяхъ своихъ выкладокъ все упираетъ только на вещественное. Плохіе онѣ руководители къ вѣрѣ въ Бога. Не отворяютъ, а затворяютъ они дверь сію. Къ нимъ точь въ точь идетъ то, что св. Григорій Нисскій говоритъ

объ Епикурѣ.., что «предѣломъ естества существъ было у него видимое, и мѣрою постиженія вселенной полагалъ онъ ощущеніе, совѣмъ смѣживъ чувствилище души, и не имѣя возможности обратить взоръ на что либо умственное и безплотное, какъ заключенный въ какой либо хижинѣ, остается невидящимъ небесныхъ чудесъ, потому что стѣны и потолокъ препятствуютъ ему видѣть, что внѣ хижины. Ибо все чувственное, что только усматривается во вселенной, подлинно, есть какая-то земляная стѣна, которая людямъ несильнаго ума преграждаетъ собою путь къ воззрѣнію на умственное. Таковой видитъ только землю, воду, воздухъ и огонь; а откуда каждая изъ сихъ стихій, или въ чемъ она состоитъ, или чѣмъ содержится въ своемъ мѣстѣ, не можетъ этого усмотрѣть по низости ума. И хотя иной, увидѣвъ одежду, заключаетъ о ткачѣ, по кораблю уразумѣваетъ кораблестроителя, и вмѣстѣ со взглядомъ на зданіе въ мысли зрителей представляется рука здателя; однакожь они, взирая на міръ, остаются слѣпыми для усмотрѣнія Указуемаго имъ» (ч. 4. стр. 208). Вотъ чего ожидать надо отъ этихъ наукъ. Особенно химія воткнулась въ стихіи, и гдѣ ей приподнять голову, чтобъ возрѣть на небо! Есть у меня стихіи, говоритъ она, да законъ сродства, чего еще хотѣть? Ни въ какой сторонней силѣ не имѣю я нужды. Благочестивый химикъ и математикъ, изумляясь, какъ все премудро устроено мѣрою, вѣсомъ и числомъ, будетъ тѣмъ возгрѣвать въ себѣ религіозное чувство. Но самыя науки, какъ науки, въ производствахъ своихъ работъ совершенно обходятся безъ помышленія о Богѣ. «Бога отвергнуть они не могутъ!» Отъ чего же это нынѣ съ

преобладаніемъ направленія къ естествовѣдѣнію
развилося охлажденіе къ вѣрѣ въ Бога и Его про-
мышленіе? Отъ того, что науки сіи не хотятъ
знать могущества Божія. Для нихъ ничего нѣтъ
могущественнѣе законовъ природы. Идею о Богѣ
отодвинули онѣ въ сторону. Вотъ и вы вмѣстѣ съ
ними.... ревнуете какъ можно подалше отъ насъ
отдалить Бога. Поведетъ ли это къ чему либо
хорошему?

Этимъ кончу мои замѣтки на умозрѣнія бро-
шюръ. Кажется, на все стоящее вниманія обра-
щено вниманіе. Есть кое-гдѣ и еще оговорки въ
родѣ той, напр., что духомъ душа зовется отъ
нашего дыханія, (стр. 41) тогда какъ, по св. Гри-
горію Богослову, скорѣе отъ вдуновенія Божія
(смот. 4. ч. стр. 240, 243), или что слово *духъ* о
душѣ употребляется, не соотвѣтствуя дѣлу, подо-
бно тому, какъ говорятъ, солнце воеходитъ, не
выражая того, что на дѣлѣ, чѣмъ залагается мы-
сль, будто духовность душѣ придается въ словѣ
семъ общенароднымъ повѣрьемъ, ученый же людъ
слово тоже употребляетъ, а мысль другую дер-
житъ. Но на этихъ и подобныхъ имъ выражені-
яхъ не останавливаться. Просмотрите впрочемъ са-
ми повнимательнѣе, не слѣдуетъ ли еще о чемъ
потолковать. Вотъ еще не много, я выду, и пого-
воримъ. Теперъ же — довольно. Прошу извиненія,
что, можетъ быть, по легкости мысли въ больной
головѣ, слово не вездѣ соотвѣтствуетъ важности
предмета. Что сдѣлаешь еъ своенравіемъ помыш-
леній?! Такъ формировались, и — не уладишь. До
свиданія!—

ФИЛОСОФСКІЯ РАЗМЫШЛЕНІЯ

БОЖЕСТВЕННОСТИ ХРИСТИАНСКОЙ РЕЛИГІИ,

Огюста Николя.

XI.

○ ЦЕРКВИ.

«Церковь есть общество правовѣрующихъ во Иисуса Христа, Имъ самимъ учрежденное, и Имъ же оживляемое и управляемое къ вѣчной жизни, видимо — посредствомъ пастырей церковныхъ, и невидимо — посредствомъ спасительной благодати Духа Святаго, дѣйствующей чрезъ ученіе, таинства, преподаваемые пастырями и чрезъ ихъ руководство и управленіе.»

«Церковь, какъ общество вѣрующихъ, очевидно, слагается изъ двухъ существенныхъ принадлежностей: невидимаго духа и видимаго устройства своего, подобно всякому человѣческому обществу, имѣющему свой невидимый духъ и свое устройство. Духъ Церкви—это благодать св. Духа, невидимо и таинственно дѣйствующая какъ во всемъ составѣ Церкви, такъ и въ каждой душѣ вѣрующей. Эта сторона Церкви и составляетъ предметъ вѣры въ Церковь. — Видимое устройство Церкви слагается изъ пастырей и пасомыхъ: учащихъ и приемлющихъ наставленія, управляющихъ и управляемыхъ, ищущихъ благодатнаго освященія и руководящихъ и преподающихъ освященіе. Тѣ и другіе, — пастыри и пасомые, — составляютъ единое видимое тѣло, подъ единымъ невидимымъ вер-

ховнымъ главою, Господомъ Иисусомъ Христомъ, содержащимъ въ неразрывной связи и единствѣ невидимый духъ и видимый составъ Церкви, по силѣ чего и духъ животворно дѣйствуетъ на составъ Церкви, и составъ ея болѣе или менѣе благоугодно выполняетъ назначенныя ему отправленія.»

Всѣ эти положенія будутъ доказаны и объяснены въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи предмета.

По видимому, Апостолы, первые дѣятели въ устройствѣ Церкви, были не болѣе, какъ простые смертные; соотвѣтственно такой видимости, основаніе и устройство Церкви само по себѣ представится на первый разъ событіемъ чисто человѣческимъ. Но тутъ присуще сверхъестественное, Божественное начало, силою котораго освящались и ограждались въ своей неприкосновенности не только достоинство и власть Апостоловъ, но также достоинство и власть всѣхъ ихъ законныхъ преемниковъ, и изъ котораго изъясняются какъ чудо обращенія міра къ евангелію, такъ и чудо непрерывнаго существованія Церкви, орудія и хранительницы всего потребнаго для этого обращенія.

Здѣсь намъ представляется зрѣлище, наиболѣе достойное занять все вниманіе разума человѣческаго, зрѣлище созданія Церкви Христовой на землѣ, ея устройства и спуска на вольную воду этого величественнаго корабля, для котораго не страшны никакія бури и который предназначенъ носить Божественную истину среди бурныхъ пучинъ заблужденія человѣческаго, провести по всѣмъ вѣкамъ и въ самую пристань вѣчности представить ее въ той же чистотѣ и святости, въ какой она передана была съ неба на землю.

Пусть тѣ, которые хотятъ видѣть въ Церкви не болѣе, какъ только случайно образовавшееся общество человѣческое, историческое только явленіе, выработанное стеченіемъ обстоятельствъ, при удачной предприимчивости руководителей этого общества, увѣнчавшейся счастливыми успѣхами, и пріобрѣвшее себѣ громкую извѣстность, долго спустя послѣ своего происхожденія, — пусть рѣшатся внимательно и безпристрастно разсмотрѣть и обсудить это явленіе и потомъ сказать, возможно ли, судя по человѣчески, представить что нибудь, съ наименьшею предусмотрительностію, съ наименьшимъ благоразуміемъ задуманное, съ наименьшею достаточностію средствъ подготовленное при самомъ началѣ своемъ, — т. е. при обнаруженіи Іисусомъ Христомъ намѣренія основать свою Церковь, — задуманное и подготовленное такъ, какъ это явленіе, — для того, чтобы оно достигало всѣхъ своихъ успѣховъ самыхъ отдаленныхъ, вопреки всѣхъ препятствій со стороны людей, при помощи средствъ, совершенно противныхъ всякому успѣху въ предпріятіяхъ мірскихъ, но сильныхъ тою силою, которой угодно обнаруживать свое Божественное могущество въ нашей немощи, дѣйствовать и совершать все выше замысловъ, ожиданій и силъ человѣческихъ.

Въ книгѣ Бытія говорится, что Богъ, приступая къ сотворенію человѣка, взялъ персть земную для образованія тѣла, и вдунулъ въ лице его дыханіе жизни, чрезъ что сообщилъ ему свой образъ и подобіе. Нѣчто подобное совершилось и при созданіи Церкви Іисусомъ Христомъ. Дѣйствительно, здѣсь, какъ и при сотвореніи человѣка, достойны особаго вниманія три предмета: 1, избранная ма-

терія; 2, данное ей устройство; 3, вдохновеніе и жизнь.

1, Въ Евангеліи читаемъ: «Исусъ, ходя при морѣ Галилейскомъ, увидѣлъ рыболововъ и говоритъ имъ: идите за Мною, и Я сдѣлаю васъ ловцами человѣковъ» (Мат. 4).

Вотъ избранная матерія. Это — первыя составныя стихіи, послужившія устройенію Церкви, какъ такого учрежденія, которое должно по всему лицу земли пронести свѣтильникъ истины, посрамить мудрость философовъ, преклонить римскія знамена предъ крестомъ, ниспровергнуть Капитолій и господствовать въ мірѣ, не ограничиваясь никакими предѣлами мѣста и времени. Не вельможи, не богатые, не сильные, не благородные и просвѣщенные должны послужить этому величайшему предпріятію; а напротивъ — люди низкаго происхождения, безъ образованія и свѣдѣній научныхъ, бѣдные, грубые рыболовы, у которыхъ все богатство заключалось въ рыбачьихъ сѣтяхъ и все знаніе — въ искусствѣ употребленія ихъ; словомъ, это — *персть земная*. И эти — то люди, по высокому метафорическому выраженію Спасителя, должны уловить весь міръ своими сѣтями.

Такая *малозначительность и безсиліе*, свойственныя этимъ людямъ, были, однакожъ, намѣреннымъ предметомъ избранія, сдѣланнаго Иисусомъ Христомъ по отношенію къ ихъ личности, такъ что, преподавая имъ наставленія касательно уловленія міра, Онъ, какъ одно изъ существенныхъ условій успѣха въ ихъ посольствѣ, поставляетъ имъ въ обязанность оставаться всегда въ томъ же *безсиліи и малозначительности* въ смыслѣ человѣческомъ, и не пользоваться никакими земными пособі-

ями, никакимъ искусствомъ человѣческимъ, никакою защитой. «Иисусъ, читаемъ въ Евангеліи, послалъ двѣнадцать учениковъ своихъ, преподавъ имъ слѣдующія наставленія: не берите съ собою ни золота, ни серебра, ни мѣди въ поясы свои, ни сумы на дорогу, ни двухъ одеждъ, ни обуви, ни посоха. Если кто васъ не приметъ и не послушаетъ словъ вашихъ, то, выходя изъ дома, или изъ города того, отрясите прахъ отъ ногъ вашихъ, во свидѣтельство на нихъ. — Вотъ, Я посылаю васъ, какъ овецъ среди волковъ. — Остерегайтесь же людей: ибо они будутъ отдавать васъ въ судилища и въ синагогахъ своихъ будутъ бить васъ. И поведутъ васъ къ правителямъ и царямъ за Меня, для свидѣтельства предъ ними и язычниками. Когда же будутъ предавать васъ, не заботьтесь, какъ или что сказать: ибо въ тотъ часъ дано будетъ вамъ, что сказать... И будете ненавидимы всѣми за имя Мое. — Ученикъ не выше учителя, и слуга не выше господина... Если хозяина дома назвали вельзевуломъ, не тѣмъ ли паче домашнихъ его?» (*)

Какъ видите, данныя Апостоламъ наставленія соотвѣтствуютъ избранію относительно достоинства ихъ личностей. Они и были избраны, какъ немощные, безъ образованія и свѣдѣній научныхъ, въ тѣхъ именно видахъ, что имъ поставляется въ обязанность навсегда оставаться въ самихъ себѣ *немошными, бѣдными и ничего незначащими* и что, вельдетвіе такого избранія и такого образа ихъ жизни, имъ предсказывается, что они будутъ преслѣдуемы, биты, предаваемы смерти, какъ и Тотъ, Чье ученіе они будутъ проповѣдывать. —

(*) Мат. 10.

Какія странныя условія успѣха! Какіе странные завоеватели!

Скоро, впрочемъ, сбылось на дѣлѣ то, что было предсказано Апостоламъ; уже св. Апостоль Павелъ въ посланіи къ Коринѳянамъ писалъ: «намъ, Апостоламъ, Богъ судилъ быть послѣдними изъ людей, какъ бы приговоренными къ смерти; потому что мы сдѣлались позорищемъ для міра... Ради Христа мы безумны, мы немощны, ... даже донынѣ терпимъ голодъ, и жажду, и наготу, и скитаемся, и трудимся, работая своими руками. Злословятъ насъ, мы благословляемъ; гонятъ насъ, мы терпимъ; хулятъ насъ, мы отвѣчаемъ молитвою; мы какъ соръ для міра, какъ прахъ всѣми попираемый донынѣ» (1 Кор. 4).

Не поражается ли сердце ваше жалостію объ участи этихъ бѣдныхъ людей? Не сожалѣете ли вы за нихъ о той спокойной неизвѣстности, въ какой находились они въ состояніи рыболововъ и изъ которой взяты были, чтобы сдѣлаться, столь страннымъ образомъ, ловцами человѣковъ? Каково же вамъ покажется, когда ихъ будутъ побивать камнями, обезглавливать, распинать на крестахъ, предавать на съѣденіе звѣрямъ, и когда Неронъ, какъ рассказываетъ съ безчувственною холодностію Тацитъ, будетъ обращать ихъ въ факелы для освѣщенія при своихъ ночныхъ пиршествахъ?!

Однакожъ, въ жизни Апостоловъ есть обстоятельства, которыя неизбѣжно перевѣшиваютъ эту первоначально представляющуюся мысль о нихъ и, наоборотъ, даютъ мѣсто чувству, совершенно противоположному. Посланіе, въ которомъ св. Павелъ описываетъ бѣдственную участь Апостоловъ, написано было не къ одному какому либо христіа-

нину, но къ цѣлому обществу христіанъ; и при томъ—какому обществу? *Коринѳскому*, выдѣлившемуся, т. е., изъ такого гражданскаго общества, которое было развращеннѣйшее изъ всѣхъ обществъ и наиболѣе далеко отъ ученія о крестѣ; мало того: тотъ же св. Павель, — Апостоль, *соръ для міра*, — въ то же время пишетъ наставительныя и распорядительныя посланія къ *Галатамъ*, *Ефесеямъ*, *Филиппійцамъ*, и относится къ дому *Нарцисса* любимца императорскаго, какъ видимъ это въ многочисленныхъ привѣтствіяхъ, въ заключеніе которыхъ онъ пишетъ такъ почти въ каждомъ изъ этихъ посланій: *привѣтствуютъ васъ всѣ церкви Христовы!...* Апостолы еще не совершили предназначеннаго имъ поприща, а тотъ же св. Павель говорилъ уже Римлянамъ, *что въра ваша возвъщается во всемъ мірѣ* (1, 3); *Колосянамъ*, — что *Евангеліе пребываетъ во всемъ мірѣ и приноситъ плодъ, что оно возвъщено всей твари поднебесной* (— 1, 5. 6. 23). Поистинѣ, ловля была уже богатая; а по этому успѣху можно судить о горячей ревности Божественныхъ рыболововъ. И это было еще только начало. Но замѣтьте, что преслѣдованія противъ нихъ умножались и возрастали въ жестокости и силѣ, и вся власть и могущество кесарей возстали противъ ихъ предпріятія, а между тѣмъ предѣлы римской имперіи, — плодъ осьмивѣковыхъ завоеваній и хитрой политики, — становятся слишкомъ тѣсны для Церкви Христовой. Едва проходитъ сто лѣтъ, и св. Іустинъ философъ считаетъ уже между вѣрующими даже дикіе народы, скитающіеся и перекочевывающіе съ мѣста на мѣсто въ своихъ телѣгахъ (*); Галлы, Испанія, Германія

(*) Just. Apol. et adv. Tryph.

(*)

уже входятъ въ общеніе съ Египтомъ и со всѣмъ востокомъ даже до отдаленныхъ предѣловъ Индіи. «Какъ одно солнце во вселенной, говоритъ св. Ириней, современникъ этого чуднаго возрастанія Церкви, такъ единъ и тотъ же свѣтъ истины во всей Церкви, распространенной отъ одного конца міра до другаго.» (*)

Это фактъ: оспаривать его было бы напраснымъ трудомъ. Здѣсь надлежитъ обслѣдовать законъ отношеній этого факта къ ничтожеству человѣческихъ средствъ, употребленныхъ по власти Иисуса Христа для созиданія Его Церкви.

И вотъ неизбежное слѣдствіе, къ которому неминуемо приведетъ здравое размышленіе всякаго безпристрастнаго изслѣдователя этого факта. Если дѣятельность Церкви въ обращеніи міра принимается только какъ простое человѣческое дѣло; въ такомъ случаѣ тутъ уже нѣтъ чуда, нѣтъ и тайны, но самое поразительное противорѣчіе, рѣшительное ниспроверженіе всѣхъ законовъ разумнаго отношенія между этимъ успѣхомъ и употребленными для него средствами.—Если же соглашаются признавать въ этихъ средствахъ дѣйствіе силы Божіей; тогда и ихъ выборъ, и употребленіе, и успѣхъ даютъ возможность усматривать на нихъ печать глубочайшей премудрости,—самой богатой и совершеннѣйшей экономіи.

Изъ всего прежде сказаннаго очевидно, что Иисусъ Христосъ въ созиданіи своей Церкви намѣренно отвергаетъ все, чего бы искалъ, о чемъ бы заботился человѣкъ, руководствующійся правилами самаго здраваго благоразумія, и что Онъ употребилъ въ дѣло то, что непременно отвергъ бы

(*) Jrin, 1, 2, 4.

подобный человекъ. Станемъ же обсуждать образъ дѣятельности его въ семь случаевъ, какъ просто человекскій, предпринимать обращеніе всего рода человеческого къ одному закону, и притомъ строжайшему изъ всѣхъ законовъ, въ этомъ одномъ сколько уже безумія! Но во сколько кратъ усугубляется это безуміе, когда для этого дѣла избираются дѣятели самые безсильные, самые ненадежные, до очевидности вовсе неспособные господствовать и повелѣвать убѣжденіемъ, обольщеніемъ, ослѣпительною поразительностію, увлеченіемъ, — словомъ, — дѣлать все то, что, судя по человечески, необходимо для выполненія и малѣйшей части изъ всего этого огромнаго предпріятія! — И этого мало: не только избрать столь неспособныхъ дѣятелей, но и требовать, чтобы они навсегда оставались таковыми; предсказать имъ ожидающія ихъ бѣдствія самыя ужасныя и заставить ихъ идти на оныя; а когда эти бѣдствія, какъ огонь, будутъ пожирать ихъ, ожидать такого успѣха, какого никогда подъ солнцемъ не видано было, — если разобрать по точности это предположеніе, то оно окажется въ высшей степени противнымъ самымъ простымъ правиламъ здраваго смысла и благоразумія. Вотъ сколько нелѣпостей должно проглотить невѣріе, при отрицаніи Божественнаго дѣйствія въ этомъ предпріятіи!

И пусть не прибѣгаютъ въ этомъ случаѣ ко всякаго рода изворотамъ относительно разныхъ случайностей, физическихъ и нравственныхъ, которыя будто-бы могли имѣть благопріятное вліяніе на это предпріятіе. Его ничѣмъ нельзя объяснить, это мы увидимъ. А притомъ надобно строго держаться истиннаго предмета настоящаго на-

шего изслѣдованія: здѣсь дѣло идетъ не о томъ, чтобы обсудить это предпріятіе въ его выполненіи, но въ его замысль, въ предварительныхъ соображеніяхъ и планѣ его. Естественно ли, разумно ли, судя по человѣчески, замышлять такое предпріятіе, какое заявлено здѣсь Иисусомъ Христомъ? При этомъ величайшемъ изъ всѣхъ предпріятій, разумно ли отвергать всѣ естественныя силы и средства человѣческія, когда, кромѣ этихъ силъ и средствъ, другихъ имѣть не возможно? Есть ли хоть какая нибудь логика въ томъ, чтобы предвидѣть и предсказывать успѣхъ по той мѣрѣ, какъ возрастаетъ ничтожность и уменьшается до возможной степени сумма средствъ къ выполненію задуманнаго предпріятія? Еще разъ нѣтъ; и доказательства на это въ томъ, что нѣтъ на землѣ человѣка, который, задумывая предпринять самое малѣйшее дѣло, не поступалъ бы рѣшительно противоположнымъ образомъ, если онъ не сумасшедшій. — А между тѣмъ успѣхъ во всей точности ожидаемый и самый неслыханный увѣнчалъ бы это, въ высшей степени безумное дѣло? Это уже лишкомъ. Въ тысячу разъ меньше стоитъ для разума вѣровать въ этомъ случаѣ въ дѣйствіе Божественное.

Дѣйствительно, (здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ) вѣра приходитъ на помощь и спасаетъ разумъ отъ всѣхъ этихъ трудностей и несообразностей и вмѣсто того представляетъ ему предметъ, въ высшей степени достойный всего его благоговѣнія, познанія свѣтоноснаго и животворнаго. Какъ только признаете въ лицѣ Иисуса Христа существенныя свойства Божества; не только уничтожаются всѣ указанныя противорѣчія между избраніемъ

первыхъ дѣателей церкви и ихъ назначеніемъ, но вмѣстѣ открывається возможность проразумѣвать и самый планъ того предвѣрія, достойный разума Божественнаго и полный высочайшей премудрости.

Объяснимъ эту мысль.

Богъ не нуждается въ людяхъ, не имѣетъ нужды даже ни въ чемъ для того, чтобы совершать величайшія чудеса и независимо ни отъ кого и ни отъ чего распоряжаться всѣми обстоятельствами. Но когда Ему угодно въ орудіе своихъ дѣлъ употребить людей для устроенія блага самихъ же людей, когда, по Его Премудрости, полезно подвергнуть испытанію нашу вѣру и вѣрность для того, чтобы дать мѣсто дѣятельной заслугѣ съ нашей стороны; тогда представляется наиболее сообразнымъ съ премудростію и благодію Божественною такой образъ дѣйствованія, чтобы люди не могли не узнавать въ семъ случаѣ присутствія и дѣйствія Самаго Бога. А такой наиболее прозрачный образъ дѣйствованія Его и представляется въ томъ, когда Онъ дѣйствуетъ изъ среды учрежденія, составленнаго изъ людей, самыхъ слабыхъ и немоцныхъ, наиболее отличающихся очевидными для всякаго несовершенствами человѣческими, какія только могутъ встрѣчаться, и чрезъ нихъ совершаетъ колоссальнѣйшее изъ всѣхъ чудесъ — дѣло преобразованія міра.

Впрочемъ, это было вполне естественнымъ и неизбежнымъ послѣдствіемъ того глубочайшаго плана Божественной премудрости, по которому самой Вѣчной Упостаенной Премудрости благоугодно было облечься въ образъ раба и притомъ распятаго. Чрезъ это Іисусъ Христосъ ра-

зомъ открылъ и свое Божественное всемогущество, и свою святость, и на дѣлѣ оправдалъ силу смиренія и вѣры, которыми, по Его намѣренію, надлежало возродиться міру. Ни съ чѣмъ было бы не сообразно, если бѣ Іисусъ Христосъ избралъ философовъ и завоевателей для распространенія своего ученія, которое превращаетъ въ прахъ философовъ и завоевателей. Въ такомъ случаѣ земною мудростію и силами человѣческими было бы уничтожено и обращено въ ничто Его небесное ученіе; тогда какъ при невѣжествѣ и простотѣ избранныхъ Имъ дѣятелей очевидно раскрывалось для міра Его Божественное достоинство. Человѣческія немощи и недостатки дѣятелей въ въ одно и тоже время и сокрывали и открывали достоинство ученія; что именно и было необходимо для воспитанія въ людяхъ спасительной вѣры. Что въ Апостолахъ было человѣческаго, то служило предметомъ соблазна для нечестія; а что ими и чрезъ нихъ совершалось Божественнаго, то возбуждало, питало и укрѣпляло вѣру вѣрующихъ. «Сильнѣйшее доказательство Божественнаго величія Іисуса Христа, говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, заключается въ томъ, что при Его видимомъ отсутствіи, но Его именемъ и силою совершаются такія дѣла, какія не совершались и тогда, когда Онъ жилъ на землѣ.»

Равнымъ образомъ, въ избранныхъ съ такими свойствами дѣятеляхъ по необходимости представляется больше воспріимчивости, убѣжденія и ревности. Какой нибудь Маркъ Аврелій, или Сенека не преминули бы покуситься на смѣшеніе вдохновенныхъ отъ Бога истинъ съ измышленіями собственного разума, и чрезъ то уничтожить самый исто-

чникъ откровенія, обративъ его въ собственность личности человѣческой; но далеки отъ подобнаго покушенія Петръ, Андрей, Іоаннъ. Апостолы, дѣйствительно, были люди ничтожные, но облеченные силою сверхъестественною. Они были невѣжи въ наукахъ человѣческихъ, но преисполнены свѣтомъ Божественнымъ; каждую минуту подвергались пересудамъ человѣческимъ, преслѣдованіямъ, насмѣшкамъ; но никогда не останавливались, никогда не унывали, никогда не смущались. Они тѣмъ болѣе совершали чудеса, чѣмъ болѣе все было несправедливо противъ нихъ; тѣмъ болѣе успѣвали въ обращеніи міра, чѣмъ болѣе безчестилъ ихъ міръ. Апостолы сами собою представляли постоянное чудо, которое неизбѣжно воспламеняло ихъ убѣдительностію непреоборимою, самою пламенною вѣрою. Поэтому въ глазахъ другихъ они сами были первымъ примѣромъ, ручательствомъ за истину проповѣдуемаго ими ученья: смиреніе, вѣра и вѣрность сколько были въ устахъ, столько же и въ ихъ сердцахъ. Чѣмъ обильнѣе изливался на нихъ свѣтъ небесный, чѣмъ болѣе они исполнялись силою свыше, тѣмъ очевиднѣе при этомъ свѣтъ и этой силѣ выставлялись наружу ихъ естественныя личности, безсиліе и умственные недостатки и удерживали ихъ въ томъ положеніи, въ которомъ они, по своей обязанности, должны были возводить другихъ. Сознаніе такого преизбытка благодатныхъ силъ неоднократно выражаетъ св. Ап. Павелъ: *благодатию Божіею есмь, еже есмь... Егда немоществую; тогда силенъ есмь... Вся могу о укрѣпляющемъ мя Іисусѣ Христѣ*. Поднѣе тоже самое высказалъ онъ въ посланіи къ Коринтянамъ въ такихъ выраженіяхъ, которыя дышатъ всемъ жаромъ апо-

стольства и тою рѣшительною свободою, которую можетъ возбуждать и поддерживать только живое ощущеніе силы, сознающей себя высшею всего міра, а свои основанія утверждающимися въ вѣчности. «Великую увѣренность мы имѣемъ въ Бога чрезъ Христа; не потому, чтобы сами способны были помыслить что отъ себя, какъ бы отъ себя, но способность наша отъ Бога. Онъ далъ намъ способность быть служителями Новаго завѣта.... служеніе Ветхаго завѣта, служеніе преходящее, было славно; но слава сія далеко ниже въ сравненіи съ высотой славы Евангелія. Ибо если (служеніе) преходящее славно, тѣмъ болѣе славно всегда пребывающее. Имѣя такую надежду, мы дѣйствуемъ съ великимъ дерзновеніемъ. Имѣя по милости Божіей такое служеніе, мы не унываемъ; но отвергнувъ скрытныя, постыдныя дѣла, не прибѣгая къ хитрости, и не искажая слова Божія, предъ всеми людьми, имѣющими судить насъ по собственной совѣсти, не употребляемъ другимъ рекомендательныхъ писемъ кромѣ искренности, съ которою проповѣдуемъ предъ Богомъ истину Его Евангелія. Если же и закрыто наше благовѣстіе, то закрыто для погибающихъ, для невѣрующихъ, у которыхъ богъ вѣка сего ослѣпилъ умы, дабы для нихъ не возсіялъ свѣтъ благовѣствованія о славѣ Христа. Ибо мы Христово благоуханіе Богу въ спасаемыхъ и погибающихъ: для однихъ запахъ смертоносный на смерть, а для другихъ запахъ живительный на жизнь. И кто способенъ къ сему (служенію)? Что до насъ, мы не себя проповѣдуемъ, но Христа Иисуса Господа, а мы рабы ваши ради Иисуса. Богъ, повелѣвній изъ тьмы возсіять свѣту, озарилъ и наши сердца, дабы просвѣтитъ насъ познаніемъ

славы Божіей въ лицѣ Іисуса Христа. Но сокровище сіе мы носимъ въ глиняныхъ сосудахъ, дабы преизбыточная сила (которая въ насъ) была приписываема Богу, а не намъ. Почему мы отсюду притѣняемы, но не стѣснены, мы въ отчаянныхъ обстоятельствахъ, но не отчаяваемся; мы гонимы, но не оставлены; низлагаемы, но не погибаемъ. Всегда носимъ въ тѣлѣ нашемъ мертвость Господа Іисуса, чтобы и жизнь Іисусова открылась въ тѣлѣ нашемъ. Ибо мы живые непрестанно предаемъ на смерть ради Іисуса, чтобы и жизнь Іисусова открылась въ смертной плоти нашей, такъ что смерть дѣйствуетъ въ насъ, а жизнь въ васъ. Но имѣя тотъ же духъ вѣры, какъ написано: я вѣровалъ, и потому говорилъ, и мы вѣруемъ, и потому и говоримъ.» (*)

Какая простая и правдивая рѣчь! Такъ и видно, что остріе ея закалено не въ стоячихъ водахъ философіи, а въ живыхъ, текучихъ водахъ вѣры. Какъ эта вѣра сама себя объясняетъ сочетаніемъ человѣческой свободы, и Божественнаго вдохновенія и ихъ взаимнымъ дѣйствіемъ другъ на друга. Какъ здѣсь раскрыта удивительная экономія Божественной премудрости въ устроеніи Церкви Христовой, въ которой, какъ говоритъ Паскаль, есть признаки присутствія и дѣйствія Христа, ощутительные для ищущихъ Его, однакожь настолько прикровенные, что ихъ могутъ примѣчать только усердно Его ищущіе.

Впрочемъ особая причина, долженствовавшая воспламенить Апостоловъ, заключалась въ самыхъ даже препятствіяхъ, вытекавшихъ изъ ихъ собст-

(*) 2 Кор. гл. 2, 3, 4.

венной немощи, въ томъ именно, что все, что съ ними случилось, было имъ предсказано. Иисусъ Христосъ предсказалъ чмъ всякаго рода несчастія и скорби, ожидавшія ихъ на поприщѣ ихъ служенія. Конечно, и по соображеніямъ человѣческимъ можно было это предвидѣть и предсказать; но одному только Богу свойственно было предвидѣть и предсказать успѣхъ и торжество Апостоловъ среди всѣхъ препятствій и гоненій, и особенно исполненіе этого предсказанія. Сколько же это исполненіе, само по себѣ чудесное, должно было представляться Апостоламъ еще болѣе чудеснымъ, при сравненіи его соотвѣтствія съ предсказаніемъ! «Сначала представляется удивительнымъ, какъ Иисусъ Христосъ могъ найти учениковъ, предсказывая имъ впереди однѣ скорби, несчастія и кресты, говоритъ Д' Агессо; но удивленіе это прекращается, когда принимаютъ во вниманіе то, что Онъ обѣщаетъ и въ то же время исполняетъ свое обѣщаніе. Чтобы дать такое обѣщаніе, надобно быть пророкомъ, а чтобы исполнить Его, надобно быть Богомъ.» (*)

(*) D' Aguesseau, Reflexions diverses sur Jesus Christ; t, XV. p. 493.

Р ъ ч ъ

в ъ

СВЯТѢЙШЕМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ СУНОДУ,

произнесенная

Архимандритомъ Николаемъ,

по нареченіи его въ Епископа Тамбовскаго и Шацкаго, 25-го Апрѣля
1841 года..

Святѣйшій Правительствующій Соборъ Православныя
Христовы Церкви!

Уже исповѣдалъ я и паки исповѣдую: *благодарю за
настоящее мое избраніе, приѣмлю оное, и нимало вопреки
глаголю.*

Благодарю, первѣе всего, Всепромыслительнаго Бога,
избравшаго мое *буже и немощное* на столь великое служе-
ніе Церкви Своей, да тѣмъ очевиднѣе въ служеніи моемъ,
какъ вѣрую, *премножество силы будетъ Божія, а не отъ
меня* (2 Кор. 4, 7).

Благодарю Всемилостивѣйшаго Г о с у д а р я, обра-
тившаго на меня въ настоящемъ случаѣ благоволительное
Свое Монаршее вниманіе.

Благодарю Ваше Святѣйшество, которые и меня
вмѣстѣ съ другими судили достойна быти Святительскаго
служенія.

Благодарю и всѣхъ членовъ Церкви, кто или доб-
рымъ словомъ споспѣшествовалъ моему избранію, или без-
молвнымъ согласіемъ оное подтвердилъ.

И благодарю тѣмъ съ большею признательностію,
чѣмъ жребій, нынѣ на меня пришедшій, менѣ мною за-
служенъ. Что я сказалъ, менѣ заслуженъ? Можно ли го-
ворить о заслугѣ того, что даже не можетъ стоять въ чи-
слѣ заслугъ? что Самъ Духъ Святой производитъ единст-
венно отъ званія Божія (Евр. 5, 4—6)? что даже Апас-
толы, въ Апостольствѣ и Епископство пріавшіе, получили

туне (Мат. 10, 8)? Какъ же могъ, хотя мало, заслужить его я?— Рѣзвъ такъ, что для сего *сокровища* представляю себя *сосудомъ* наиболѣе *скудельнымъ* (2 Кор. 4, 7), и какъ бы даю тѣмъ силѣ Божіей большее пространство въ моей немощи совершаться (2 Кор. 12, 9)? — И такъ благодарю тѣмъ съ большею признательностію, чѣмъ живѣе чувствую и вѣрнѣе сознаю, что жребій, на меня пришедшій, пришелъ не какъ заслуга, но какъ даръ. Какъ даръ, онъ и восполняетъ своею полнотою мою для него скудость, и возбуждаетъ во мнѣ совершенную благодарность ко всѣмъ Виновникамъ его дарованія.

А благодаря, я *приемлю* сей даръ. Приемлю, какъ *талантъ*, вручаемый мнѣ отъ Господа, съ тѣмъ, чтобы я данное мнѣ возвратилъ съ лихвою, если не хочу быть *вверженъ* во тьму *кромѣшную* (Мат. 25, 14 — 30); приемлю, какъ служеніе *раба*, поставляемаго Господомъ *раздѣлять* и вѣрно и благовременно *Евангельскую* пищу Его *домочадцамъ*, съ опасностію, быть, за *нерадѣніе* и *невѣрность*, *растесану* *полма* (Мат. 24, 45 — 51); приемлю, какъ *чреду Пастыря* *словесныхъ овецъ*, съ обязанностію *водить* на *пажити* *добрыя* и *защищать* отъ *волковъ*, не *щадя* *своей души*, чтобы не *впасть* въ *судъ* *нерадиваго наемника* (Іоан. 10, 4. 9 11—13); приемлю, какъ *стражбу* *стража* *людей Господнихъ*, чтобы *неумолчно* *возвѣщать* имъ о *всякой опасности* и *неусыпно* блюсти ихъ *спасеніе*, съ *страшною отвѣтственностію*, *платить* *своею кровію* за *кровь* *каждой души*, *погибшей* отъ *моей* *безпечности* (Іезек. 3, 17, 18). Какое бремя для силъ *человѣческихъ*, не говорю ужъ—для *моей* *немощи*! Но я приемлю его въ *упованіи* на *всесильную* *помощь* *Божію* и въ *полномъ* *самоотверженіи*. Не смущаюсь *помысломъ*, что *меня* *ожидаетъ* на *новомъ* *моемъ* *поприщѣ*, — *отрады* или *скорби*; одну *только* *мысль* *теперь* *обращаю* въ *моей* *душѣ*, что *не* *по* *ной* *мнѣ* *предлежитъ*, а *подвигъ* *новый* и *многотрудный*,

и одно только чувство теперь възгрѣваю въ моемъ сердцѣ, да *возвеличится Христосъ въ тѣлѣ моемъ, аще животою, аще ли смертію* (Фил. 1, 20).

Тако приѣмля свой жребій, я *нимало вопреки глаголю*. И что бы я могъ сказать вопреки? Вошелъ бы въ исчисленіе моихъ недостатковъ? Но не оскорбилъ ли бы я тѣмъ слуха Вашего Святѣйшества, послѣ того, какъ Вы судомъ своимъ о мнѣ уже такъ милостиво покрыли мое недостойнство? И для чего бы мнѣ теперь говорить о моихъ несовершенствахъ? — Чтобы отклонить отъ себя жребій, несоразмѣрный моимъ силамъ? Но кто я, чтобы противиться Богу (Дѣян. 11, 17), или входить съ нимъ въ препирательство (Рим. 9, 20)? Правда, нѣкто и изъ первыхъ столповъ Церкви не обинулся сказать, что „хорошо иногда и поуклониться немного отъ зова Божія, какъ нѣкогда Моисей (Исх. 4, 10), и потомъ Іеремія (Іер. 1, 6); а послѣ бѣжать съ готовностію на тотъ же зовъ, какъ Ааронъ (Исх. 4, 27) и Исаія (Ис. 6, 8); только бы то и другое происходило изъ благочестія, — первое по сознанию своей немощи, второе по уваженію къ власти призывающаго“ (Св. Григор. Наз. въ Словѣ на Пасху, см. Хр. Чт. 1841. ч. II, стр. 49): но чтобы приложить сіе къ себѣ, надобно быть Назіанzenомъ и Златоустомъ, или Моисеемъ и Іереміей; ибо, думаю, надобно уже имѣть нѣкоторое достоинство, чтобы отказываться отъ призыванія недостойнствомъ. Нѣтъ, я не дерзаю съ великимъ Моисеемъ говорить Богу: *недоброрѣчивъ я и прежде былъ и нынѣ есмь: молюся ти, Господи, избери могуща; много, его же послещи, но притрепетнымъ сердцемъ послушно внемлю глаголу Господа глаголющаго: кто даде уста чловѣку? Не азъ ли Господь Богъ? и нынѣ иди* (Исх. 4, 10—13). Иду, Господи, не прерѣкаю Твоему званію ни мыслию, ни чувствомъ; предаюсь Тебѣ, какъ брѣніе скудельнику (Рим. 9, 21); благодарю, приѣмлю и нимало вопреки глаголю.

И вотъ слышу изъ устъ Апостола напутственный мнѣ гласъ Божій: *а еже прочее ищется въ строителяхъ, да вѣренъ кто обрящется* (1 Кор. 4, 2); и новая забота наполняетъ душу. Что, если я угашу въ себѣ духа (1 Сол. 5, 19), или не буду възгрѣвать въ себѣ дара Божія, который скоро низведется на меня возложеніемъ рукъ Вашего Святѣйшества (2 Тим. 1, 6)? Не по моей онъ волѣ низведется, а силою и посредствомъ Святительскихъ Вашихъ молитвъ и Божественнаго тайнодѣйствія: но сохранять и възгрѣвать его въ себѣ будетъ зависѣть отъ моей воли, какъ и Апостоль Павелъ писалъ къ Епископу Тимоѳею: *не неради о своемъ дарованіи* (1 Тим. 4, 14). Что жъ если я вознерадѣю о своемъ дарованіи и обрѣту съ невѣренъ призванію настоящему? Что тогда буду я для паствы? Что — для Вашихъ надеждъ? Что — для званія и посланія Христова!

О! умоляю Ваше Святѣйшество, поспѣшествуйте мнѣ святыми Вашими молитвами, да и нынѣ совершитъ и вынуждаетъ во мнѣ дѣло свое Самъ Господь, Самъ же чрезъ Васъ нынѣ оное начавшій. Да сохранитъ и укрѣпитъ Онъ во мнѣ настоящую мою признательность къ Его всеблагому промыслу, къ Благочестивѣйшему Монарху, къ Вашему Святѣйшеству и ко всей Церкви; да утвердитъ и самымъ дѣломъ оправдитъ теперешнюю мою готовность на подвигъ, нынѣ мнѣ указанный; да возвыситъ и углубитъ мою преданность въ Его всесвятую вою. Преисполненный такихъ расположеній, благодатию возбуждаемыхъ, възгрѣваемыхъ и укрѣпляемыхъ, можетъ быть, и я обрящусь вѣрнымъ строителемъ тайнъ Божіихъ; дѣлателемъ непостыднымъ въ вертоградъ Христовомъ, право правящимъ слово Евангельскія истины.

Редакторъ: Протоіерей Іоаниъ Москвинъ.

Съ дозволенія цензуры. 31 Января 1868 года.

Тамбовъ. Въ Типографіи А. А. Студенецкаго.